…ЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА — 1931

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1931 г. № 12—13 (296—297

Н. В. БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

19 МОСКВА 31

Сдана в набор 19/VIII—31 г.
Подписана к печати 29/X—31 г.

Ответственный редактор *Н. Ф. Чужак*
Технический редактор *С. М. Матвеев*
Корректор *П. Д. Лабзин*

Школа ФЗУ Мособлполиграф. Зак. 2307

Уп. главлита В—10144 Тир. 25.000

I

«Французские лазутчики старались взбунтовать народ, проповедуя свободу и представляя французов, как признак скорого освобождения их. Но слушатели схватили их и привели к своим господам».

Так говорил царь Александр I одному иностранному послу, сообщая ему о настроениях народных масс в первые дни войны с французами в 1812 году. Царь рассказывал о восторге крестьян, которые идут спасать «царя и отечество» от иноземного нашествия.

И многие верили, что это так. Александр Тургенев, просвещенный и даже «вольнодумный», как тогда говорили, человек, писал своему приятелю: «Отношения помещиков и крестьян, необходимые для нашего теперешнего благоустройства, не только не разорваны, но еще более утвердились».

Читаешь письма и воспоминания того времени,— а их писали, конечно, только дворяне-помещики: других образованных людей в России тогда еще не было,— и везде одна картина: народ готов умереть, как один человек, за Россию, за то самое государство, для благоустройства которого необходимо рабство крестьян, как это полагает и свободомыслящий Тургенев.

Но так ли это было на самом деле?

Московский губернатор Растопчин еще в 1810 г., за два года до последней, решающей войны с Францией, писал о том, что в крестьянстве дело обстоит не так благополучно. Во все царствование Александра I шли войны. Русские солдаты — те же крестьяне, одетые в мундиры — совершали походы в Европу, видели там другие порядки, знакомились с французскими пленными и хоть одним ухом, да слышали о том, что там не так давно была революция, короля свергли с престола и отправили на плаху. А такие слухи не могли пройти даром. И Растопчин указывает, что «продолжительные войны и пример французской революции производят в благонамеренных уныние, в прочих вольно-

думство»; что, в случае новой войны, будет «бунт людей барских»; что «целые сотни готовы итти по стопам Робеспьера» (вождь французской революции).

И те помещики, которые сидели в своих имениях, бок-о-бок с крестьянами, были в постоянном страхе. Уже десятки лет не прекращались крестьянские волнения и возмущения.

Дело было, конечно, не столько во французских влияниях, сколько в общих экономических причинах и политических. Но таково было положение крестьян в России того времени, что первая спичка могла взорвать порох.

Каково же было это положение?

II

Крепостным крестьянам жилось все хуже и хуже. За сто лет до этого, в конце 17-го и в начале 18-го века земля еще была в руках крестьян. Правда, по праву она уже и тогда принадлежала помещику; он считался над крестьянами «государем» и мог поступать с ними, как ему заблагорассудится. Но на деле помещик не отнимал у крестьян земли, лишь

бы они ему платили за это оброк. И крестьяне жили в своих деревнях, владели землей сообща, «общиной», решали свои дела на мирском сходе и отделывались от помещика, поставляя ему хлеб, полотна, кур, гусей. Под «барскую запашку», то-есть под ту часть земли, которую помещик оставлял себе и на которой он заставлял крестьян даром работать один-два дня в неделю, было тогда отведено не более одной пятой или даже одной шестой всей помещичьей земли.

Кроме того, в это время в крепостной неволе было еще меньшинство сельского населения. Большинство же крестьян были «государственными»; они никому не принадлежали и только платили подати в казну. Совсем иную картину мы видим к началу 19-го века.

Уже больше половины всех крестьян попали в крепостную неволю. Холодный, неприветливый север помещиков почти не знал: здесь крепостных крестьян было не больше, чем 2—6%. Но зато в средней полосе России, вокруг Москвы и северном Поволжьи, были закрепощены уже почти все — до 80—85%. В 18-м веке цари, Екатерина II, Павел I, под-

держивали дворян, осыпали их милостями. Оба они щедро раздавали государственные земли в собственность своим приближенным. За все свое царствование Екатерина раздала в виде именинных подарков своим любимцам около 400 000 государственных крестьян, а сын ее Павел I за один торжественный день своей коронации сделал таким же образом рабами 100 000 человек.

Но не только количество крепостных выросло. И жизнь их стала несравненно тяжелее.

В России того времени было два совсем различных способа вести хозяйство.

На юге, в полосе чернозема, землепашество было самым доходным, выгодным делом. И здесь уже давно помещики начали увеличивать барскую запашку. Было гораздо выгоднее отнять у крестьян всю землю, загнать их на «барщину» и положить в карман весь доход с пшеницы и сахарной свеклы. Все увеличивали число дней, когда крестьяне должны были работать на помещика. А собственный надел крестьянской земли все более и более урезывали, снижая его подчас до 1 десятины. Покуда у крестьянина оставался

хоть этот нищенский клочок, он работал на барина бесплатно: есть мол, чем прокормиться. Но бывало и так, что отбирали решительно все, делали из крестьянина настоящего пролетария, пролетария-раба. И при Александре I были уже крестьяне, «живущие круглый год месячной дачей (пайком), не имея никакой собственности».

Тяжела была крестьянская нищета. В 1817 году в одном имении в Минской губернии крестьяне жалуются на «изнурение и истощение»; они рассказывают, что питаются только листьями да корой; но и эту кору им запрещено сдирать, чтобы не портить деревьев, и они собирают ее тайно. Люди умирают от голода целыми семьями. Земли пустуют, пахать некому, так как помещик согнал всех крестьян на барскую работу перегона смолы. За это каждый работающий получает по 2—3 гарнца жита. Кроме того, помещик еще торгует солью и заставляет крестьян покупать излишки и платить за них вдвое.

В черноземной полосе к началу 19-го века барщинные хозяйства составляли около 80, а то и 90% всей помещичьей земли.

Иначе обстояло дело в северной, нечерноземной полосе.

Здесь земля скудная, родит плохо. Доход с нее вырвешь небольшой. Крестьяне вырабатывали гораздо больше, занимаясь ремеслами и уходя в город на отхожие промыслы, чем ковыряясь в земле. Помещики это прекрасно понимали. И они не посягали на плохонький мужицкий глинозем, а оставляли крестьян в покое: поработай летом в свою волю, зимой иди себе в город и делай там, что хочешь, только исправно плати оброк.

В нечерноземной полосе оброчные крестьяне составляли около 60% всех крестьян; в некоторых губерниях число их доходило даже до 85%, то-есть барская запашка почти свелась на-нет.

К началу 19-го века резко изменилось все положение народного хозяйства страны по сравнению с тем, что было за 100—120 лет: простое натуральное хозяйство начало уступать место капиталистическому.

Торговый капитал в России существовал давно. Уже давно купцы занимали в городах видное место и богатели, скупая и

перепродавая деревенские продукты и изделия мелких городских ремесленников. Но в 18-м веке появилось нечто совсем новое — ф а б р и к а.

Начал расти к а п и т а л п р о м ы ш л е н н ы й.

Изменила ли фабрика положение дел в помещичьем и крестьянском хозяйстве? Ясно, что да. Ведь фабриканту неоткуда было взять рабочих, как из тех же крестьян; городского населения не хватало, города были лишь капельками в необъятном море крестьянской России. Первые фабриканты при Петре I все время жаловались на нехватку рабочих рук, и правительство приказывало набирать на производство всякий «сброд»: нищих, беглых крепостных, бродяг, уголовных преступников, даже пойманных на месте публичных женщин. Купцы, заводившие фабрики и заводы, все время требовали, чтобы им разрешили, как и помещикам, покупать рабочую силу, живых людей. И правительство шло на это: капитализм нужно было насадить во что бы то ни стало. К заводам «приписывали» целые деревни: так образовался новый разряд крестьян ф а б р и ч н ы х,

«поссессионных». К одним только пермским металлическим заводам было приписано 25 000 крестьян. А дворяне громко вопили против такого нарушения их прав: они привыкли быть единственными, неоспоримыми владельцами живых людей.

Но и помещики сами стали перестраивать свое хозяйство. Из оброчных имений крестьяне прежде искали заработка в мелком ремесле, на заготовках леса, в извозе, в услужении, в трактирах. Теперь они шли на фабрику. Но с фабричных — думал помещик — можно потянуть и побольше денег. Оброк к концу 18-го века непрерывно рос; если в 1760 г. он составлял на наши деньги около 1 р. 50 к. на душу, то к 1800 г. он дошел до 5—6, а в некоторых местностях даже до 50 р. При этом не забывали и натуральных платежей — зерно, молоко, яйца, полотна, даже грибы и ягоды. Крестьяне одного имения писали в своей жалобе, что кроме 5 рублей оброка они должны давать в год с каждой семьи по 2 барана, 4 гуся, 4 курицы, 40 яиц, 12 фунтов мяса, 4 фунта масла, 4 четверика конопли, 12 фунтов лесной малины и 12 фунтов грибов на каждую жен-

щину; при этом грибы полагалось выплачивать не натурой, а деньгами, расценивал их помещик по 10 копеек за фунт. Так по капельке, по грибку, по ягодке накапливали помещики свои капиталы и строили на них фабрики. Они хорошо запомнили совет одного старого писателя: «Не давай крестьянину обрасти, стриги его, как овцу, догола». Оброк был обычно непосилен для среднего крестьянина, и постоянные недоимки выколачивались розгами.

Помещики охотно отпускали крестьянина на фабрику. Мало того, они сами насильно тащили их туда. Помещик свозил своих крестьян фабриканту и отдавал «в кабалу»; тогда фабрикант выплачивал помещику весь оброк, а крестьяне, превращенные в рабочих, не получали ничего. Туда же свозили фабриканты сирот-детей, набранных из воспитательного дома, или детей, купленных у помещика. И эти дети, с десятилетнего возраста, работали там по 16—17 часов в сутки, днем и ночью.

Так изменилось положение оброчных крестьян при развитии промышленности. Крестьяне массами стали попадать на фабрику, что

бы увеличить помещичий оброк. Целые деревни пустели, хозяева или забрасывали пашню, или возвращались только на летнюю страду.

На фабриках было, значит, две категории рабочих: поссессионные, которые были собственностью фабрики, «крепки фабрике», и вольнонаемные. В начале 19-го века рабочие по вольному найму составляли около половины всех рабочих. Они были, конечно, тоже крепостными или государственными крестьянами (городских людей было не больше 10%), но помещик был далеко и оставлял их обычно в покое, лишь бы они выплачивали побольше оброка. А перед лицом фабриканта они чувствовали себя сравнительно свободными людьми.

Гораздо тяжелее сложилась под влиянием фабрики жизнь барщинных крестьян. Помещики начали сами заводить в своих имениях фабрики. В первые времена, в начале 18-го века, фабрикантами были исключительно люди неродовитые, купцы; через сто лет, в 1809 г., из 98 казенных поставщиков сукон только 12 были купцами, остальные — помещиками.

На дворянских фабриках пахотная барщи-

на заменялась фабричной. Для крестьянина, привыкшего к земле, эта новая неволя была во много раз горше прежней. Про деревню, где строилась фабрика, говорили, что там завелась чума. Обычно крестьяне превращались в чистых пролетариев, вся земля у них отбиралась, и их переводили на «месячину» или на жалкую денежную оплату; но иногда им не платили ничего и только на два месяца летом отпускали на полевые работы — собери себе, мол, хлеба на всю зиму.

Но и сельское хозяйство изменилось под влиянием капитализма. В черноземных крупных имениях увеличивались посевы хлеба для винокурения, свеклы для сахарных заводов, и все эти культуры возделывались тем же тяжелым, 16-часовым барщинным трудом. Но и там, где сохранялось чисто хлебное хозяйство, помещики все увеличивали барщину и выжимали из крестьян больше и больше труда: увеличивался вывоз за границу, и хлеб дорожал в цене — «не упускать же счастья»! К тому же помещики жили уже не так просто, они подражали роскошной жизни европейских богачей. А для этого им нужно было много, много денег.

Помещики заводили не только мелкие заводики — мыловаренные, винокуренные, кожевенные, сахарные. Трудом крепостных и поссессионных крестьян было создано все то производство, в котором особенно нуждалось государство: металлургическое и горное, суконное и писчебумажное. В одном Уральском горном округе было 37 поссессионных и помещичьих заводов, где работало 178 000 крепостных рабочих; даже на казенных заводах не было свободного труда, и рабочие вербовались из казенных крестьян, солдат-рекрут и каторжан. Заводы были крупные, до 9 000 человек. Заводы работали день и ночь, рабочий день в среднем продолжался 14—15 часов, но бывали случаи, когда даже дети работали по 17 часов.

Так создавалась в России «крепостная индустриализация».

Горно-металлургическое и суконное дело были целиком построены на рабском труде. Особым путем развивалась новая хлопчатобумажная промышленность: она выросла из мелкого крестьянского ремесла — ситцевой набойки. Ситец был необходим широкому потребителю, но государство было не так

заинтересовано в нем, как в сукне, которое шло на солдатские мундиры, или в металле, из которого льют пушки и ружья; поэтому бумаготкацкие и бумагопрядильные фабрики росли, как грибы, но они не получали от казны ни пособий, ни крепостных рабочих; ситцевым фабрикантам приходилось обходиться вольным трудом. И эти свободные фабрики шли куда лучше и доходнее, чем те, где крепостные мучились из-под палки и кнута.

Многие стали призадумываться: не выгоднее ли для самого помещика, для самого фабриканта труд свободный, чем труд подневольный? Начались толки о раскрепощении крестьян.

Для нас ясно, что лишь очень немногие люди, ратуя за освобождение, исходили из чистых побуждений справедливости. Большинство просто думало о своей же пользе. Один из самых горячих поборников идеи свободы, Якушкин, будущий участник революционного декабрьского восстания 1825 г., решил сам освободить своих крестьян. Но как? Крестьяне, по мысли Якушкина, должны были получить личную свободу и свои усадьбы, то-есть дома с дворами, вся же па-

хотная земля оставалась за помещиками. Что же делать свободным, но безземельным крестьянам? Ясное дело: стать наемными батраками помещика. По словам Якушкина, «это будет выгодно для обеих сторон: помещики будут получать тот же оброк, но только в другом виде, вольные будут работать прилежнее, приобретать больше и платить больше». Свободолюбивый Якушкин хотел, значит, того же, что и черноземные крепостники: пролетаризации крестьян. Но его ждало большое разочарование. Когда он пытался разъяснить крестьянам, что отныне они будут «сами свои», а земля — его, то они дружно ответили: «нет, уж лучше по старине, мы — ваши, а земля — наша». И отказались от его «благодеяния».

Дело, значит, в том, что борцы против крепостного права, за исключением немногих отдельных лиц, учитывали невыгодность крепостного права для растущего капитализма и хотели превратить закрепощенных крестьян в безземельных сельскохозяйственных и фабричных рабочих. Но и этих борцов было немного. Главная масса помещиков еще «прилежала

к старине», и если они и переходили к улучшенному хозяйству и к строительству фабрик, то отнюдь не собирались делать крестьян свободными людьми. И если молодые либералы ратовали за «безземельное освобождение», то старики стояли за безземельное закрепощение.

Не только крестьянская нищета росла, росло и бесправие. Раньше крестьянин был «крепок земле»: он не мог уходить из имения и должен был работать на помещика. Эта мера была необходима для хозяина, иначе он лишался рабочих рук. Но и помещик не мог оторвать крестьянина от земли. В течение же 18-го века крепостной крестьянин стал «крепок помещику», сделался в полном смысле слова рабом, вещью. Крестьянин потерял право покупать землю, устраивать промыслы, производить торговые сделки без разрешения помещика. Помещик мог взять крестьянина в личное услужение на свою кухню, продать его без земли, «на своз», отправить в другое имение, на свою или чужую фабрику в дальнюю губернию. При этом разлучали жен с мужьями, детей с родителями. Людьми торговали на рынке. Были помещики,

ежегодно приготовлявшие на волжские ярмарки известное количество девушек для продажи их азиатским купцам. По своему капризу, без суда, помещик мог сослать любого крестьянина в Сибирь на поселение и даже на каторгу.

В жалобе на одного помещика мы читаем, что он «продавал людей на вывод дворами и семьями, у одного отца из четырех малолетних детей не оставил ни единого; у одной старухи продав сына с детьми, лишил ее всякого призрения и пропитания». Он выбрал лучших крестьян из своего воронежского имения, 26 мужчин и 6 женщин, и отправил их в Смоленскую губернию; отцы откупали своих дочерей за 200—250 р.; тем не менее, многих девушек он схватил и продал. И такой помещик был не ужасной случайностью: таких, как он, было много.

Один помещик, Свербеев, у которого крестьянам жилось сравнительно хорошо, который считался культурным и добрым человеком, все же пишет в своих воспоминаниях:

«Без розог дело, конечно, не могло обходиться. Сосед убеждал меня, что крестьян надо держать в черном теле». Во всех своих

жалобах крестьяне описывают страшные истязания, которым их подвергали помещики. Тут и розги, и сажание на цепь, и заковывание в колодки, и разные утонченные пытки. Один помещик в пьяном виде наносит крепостным слугам раны ножом; другой изощряется, засекая на полевых работах беременных женщин так, что они умирают или рожают мертвых детей. Одна беременная крестьянка в одной рубашке была выгнана на мороз и посажена в пруд. После этого она тут же родила, а ее ребенка разорвали и съели помещичьи собаки. Один помещик «связал своего крепостного в бараний рог, сел на него и жег его нещадно горячим веником». У другого надевалась на голову наказанным тяжелая шапка с заклепанным обручем; в таком виде они должны были работать в летнюю жару.

Многие крестьяне, особенно дети, умирали под плетьми. Помещики, любители охоты, держали целые своры гончих и борзых собак и заставляли крестьянок выкармливать их грудью.

Из крестьянских жалоб можно вычитать и другие жуткие случаи издевательства и му-

чений. Вот один помещик «делает неистовства с нашими женами и малолетними дочерьми, от чего многие умерли». Другой «заставляет приводить к себе малолетних девок не более 12 лет и молодых баб по очереди для непотребства». За «отказ от блудодеяния» помещик Башмаков «бил дворовую девку Татьяну, принуждал ее пить воду безо всякой меры в наказание, а вдову держал на цепи двое суток».

Жениться крестьянин мог только с разрешения помещика. Нередко хозяин устраивал крестьянские браки по своему капризу. Известный генерал Суворов, которого так прославляли старые патриотические историки за его громкие военные победы, приказывал своему приказчику собрать весной всех парней и девок одного возраста попарно и перевенчать. Соблазненных и изнасилованных ими же девушек помещики обычно тут же выдавали замуж за своих слуг, не спрашивая согласия обеих сторон.

Помещик распоряжался поставкой крестьян в армию, и он же мог сдать крестьянина за любую «провинность» вне очереди в рекруты. Здесь, кроме очередных жестокостей,

происходила и спекуляция: помещик вымогал у отца семьи непомерные деньги, чтобы не загубить его сына. А военная служба отрывала человека на 25 лет, и жизнь солдата была горше крестьянской, — те же розги, зуботычины, мучительства, да засекание насмерть «сквозь строй палок». У крестьянина оставалась хоть семья, у солдата и это было отнято.

Страшная жизнь, которую мы здесь обрисовали, все же не была одинаковой для всех крестьян. Хуже всего жилось дворовым людям, которых помещики отрывали от хозяйства и брали к себе в усадьбу для личных услуг. Барская дворня у богатых помещиков была необыкновенно многочисленна; тут были и повара, и лакеи, и кормилицы, и девушки, слепнувшие над вышиванием и плетеньем тонких кружев, и пекари, и крепостные актеры, музыканты, живописцы; этим последним иногда давали хорошее образование, что не мешало потом драть их розгами на конюшне наравне с другими. Дворовые были тут же, на глазах у помещика, и больше, чем деревенские, попадали под его тяжелую руку.

Крестьяне барщинные, лишенные или почти лишенные земли, согнанные на барскую запашку или на барскую фабрику, были почти в том же положении, что и дворовые. Легче жилось крестьянам оброчным.

Когда мы говорим о «крестьянах», то не надо думать, что все они были в одинаковой нищете. Уже и тогда среди крестьян, ведущих собственное хозяйство, были бедные и богатые, деревня не была однородной. Новый промышленный капитализм должен был дать мощный толчок ее расслоению.

Крестьяне могли богатеть не на пахотном хозяйстве: здесь они были ограничены подушными уравнительными переделами земли, общинным правом. Они богатели на отхожих или деревенских промыслах.

Уже в конце 17-го века купцы-фабриканты жалуются на соперничество крестьян-ремесленников: «Крестьяне уездные, покупая пеньку, переделывают ее в домах своих. Не повелено ли будет тем торгующим пенькою крестьянам пеньку покупать и обделывать запретить?» Те же фабриканты указывают что «иные крестьяне имеют у себя солодовни, масляные и кожевенные заводы, сальные,

скорняжные, свечные, выбойчатые, платочные», что «они из покупного железа куют гвозди и совсем сами делаются купцами, а купцов лишением торгов доводят, чтобы и совсем их не было!»

В селе Павлове было «до 3 000 крестьян, которые вместе составляли как бы одну фабрику, хотя каждый работал на себя». Они выделывали замки, ножи, топоры, ружья.

На больших реках крестьяне занимались постройкой судов. В Московской, Ярославской, Тверской губерниях, в районе льна, было развито тканье полотна. В других деревнях изготовляли то сапоги, то сукно, то мебель; было даже шелкоткачество и золотошвейство, то-есть такие промыслы, которые явно имели в виду не собственное потребление, а продажу на рынок.

В Шуйском уезде, в селе Иванове создался крупный центр крестьянской бумаготкацкой промышленности. Здесь в 1825 г. было 125 фабрик,— на некоторых из них работало до 1 500 человек. Создавалось нелепое положение: все село и все его жители принадлежали помещику, графу Шереметеву, но многие разбогатевшие крестьяне уже са-

ми владели фабриками, были даже не кулаками, а больше того — крепостными фабрикантами и сами покупали себе крепостных, хотя и на чужое имя. Барыши на их фабриках доходили до 500%; особенно процветало шуйское ткачество после московского пожара 1812 г., когда сгорели все московские фабрики.

Кто не слышал имени Саввы Морозова, основателя богатейшего торгового дела и полотяных фабрик? А он был крепостным помещика Рюмина и основал в местечке Зуеве сначала маленькую фабрику шелковых тканей. Через 20 лет он был уже миллионером и тогда только выкупился на волю, заплатив своему помещику 17 000 рублей.

Как же относились помещики к крепостным фабрикантам? Ясно, что обогащение оброчных крестьян и выростание кулацкой верхушки было им выгодно. Отдельный самодур мог, ради издевательства, вдруг вспомнить, что он «барин», и отправить фабриканта опять в лакейскую, но большинство дорожило богачами, с которых можно было содрать три шкуры. Фабриканты не-дворяне воевали против крестьянских промыслов и

фабрик, видя в них опасных соперников; помещики защищали их.

Так богатела и капитализировалась крестьянская верхушка. Но основная крестьянская масса была всегда на границе нищеты. И если Саввы Морозовы разрывали со своим прежным классом и переходили в стан охранителей существующего строя, то барщинные и фабрично-поссесионные крестьяне были его естественными врагами.

Веками накапливался в крестьянстве горючий порох.

С тех пор, как помещики закрепостили «мужиков», не переводились крестьянские волнения и бунты. Порою они вспыхивали грозными восстаниями, охватывающими обширную область, и с крестьянскими отрядами правительственные войска вели регулярную войну. В 17-м веке восстание под предводительством Степана Разина охватило все Поволжье; в 18-м — Емельян Пугачев поднял Урал, Поволжье и соседние центральные губернии. Крупные волнения разыгрались и в начале царствования Павла I, в 1796—97 годах; в одних имениях Голицыных и Апраксиных в Орловской губернии восстало 13 000

человек. Толпа, вооруженная дубинами и ружьями, первая напала на квартировавший в селе гусарский полк.

На уральских заводах «бунтовало» тогда больше 1000 рабочих. Волнения крестьян разлились по всей стране, охватили 32 губернии из общего числа 92.

То же самое продолжалось и в царствование Александра I.

Не удивительно, что оно было так. Все хуже и хуже жилось крестьянам, все больше были они сдавлены в двойных тисках — капитализма сельскохозяйственного и капитализма фабричного. Положение становилось настолько острым, что уже и в правительственных кругах начали поговаривать о необходимости какого-то облегчения.

И при Павле, и при Александре были проведены кое-какие «реформы». Но эти реформы были лицемерными, куцыми, трусливыми, и даже то, что давалось, оставалось на бумаге.

После крупных волнений 1796—97 годов Павел I издал 5 апреля 1797 года так называемый «указ о трехдневной барщине». Всем местным властям было приказано следить,

«дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работе; а для сельских изделий — остающихся в неделю **шесть дней, поровному числу оных вообще разделяемых**, как для крестьян собственно, так и для работ в пользу помещика следующих, при **добром распоряжении** — достаточно будет на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям».

Можно ли называть такой указ законом? Нет, он служит примером того, как боязливо и осторожно писались законы, которые могли бы обидеть помещика и возбудить в «мужике» «тщетные надежды». Как огня, боялись взбудоражить деревню, и, действительно, малейшее послабление заставляло крестьян настораживаться, и, как искра, пробегали от одного к другому слухи о воле. чтобы держать массу в повиновении, нужно было постоянно, повторно внушать ей, что ее положение так вот от века и определено «богом» и никогда измениться не может.

Указ 5 апреля вообще ничего не приказывает, кроме воскресного отдыха. А разделение пополам остальных шести дней не предпи-

сывается, а как-то подразумевается и зависит от «доброго распоряжения». Это — не закон, а дружеский, отеческий совет.

Не удивительно, что этот «закон» так и остался мертвой буквой как для помещиков, так и для местных властей. Но крестьяне о нем прослышали, крестьяне его запомнили крепко. И при любом волнении они громко требовали соблюдения «закона о трехдневной барщине».

III

Александр I в начале своего царствования очень любил говорить красивые слова о свободе всего народа и раскрепощении крестьян. Но из всех этих разговоров в «негласном комитете» его приближенных не вышло ровно ничего: гора родила мышь. Александр I был очень чувствителен и слезлив, но и столь же лицемерен.

Но даже если бы личный характер Александра был иным, ничего бы не изменилось. Самодержавец всеросийский был классовым, дворянским царем, и все действия якобы неограниченной власти проводились всегда под напором господствующего класса.

В первые годы Александр поставил в Го-

сударственном совете вопрос о запрещении продавать крестьян, как скот, в розницу, без земли. Нервы царя были обеспокоены тем, что в официальной газете, в «Санкт-Петербургских Ведомостях», публиковались такие объявления: «Продается рессорная коляска и ученый повар», «продается пара борзых щенков и две девки, умеющие вышивать и гладить». При этом на рынке установился уже известный уровень цен на человеческое мясо: в то время как за щенят давали тысячи три, за обученного повара или кучера платили 800 рублей; средняя цена «неквалифицированного» мужика или девки колебалась между 2 и 33 рублями, а ребенка продавали за гривенник. В 1813 году правительство установило таксу: 300 р. за мужчину, 150 р. за женщину, тем самым молчаливо разрешая торг людьми. Государственный совет признал продажу людей «совершенно не соответствующей великодушным правилам государя-императора», но побоялся издать об этом закон сейчас, «когда простой народ, всегда жаждущий свободы, по неразумию, часто самый малейший повод к ней принимает за закон, а потому выходит из повиновения».

Что же сделали? Запретили вывоз людей на ярмарки и, кроме того, публикации о торгах в газете. А как ответили на это торгаши? Да очень просто: вместо «продается» стали печатать: «отдается в услужение», и все уже понимали, что скрывается за этой невинной фразой.

Долго говорили в Государственном совете о том, что хорошо бы как-нибудь установить предельную величину повинностей, накладываемых на крестьян, установить для них норму платежей и «кодекс труда». Но дело так и ограничилось разговорами.

Те два закона, о которых обычно говорят, как о попытках Александра I постепенно начать освобождение крестьян, подтверждают только что сказанное.

В 1803 году был издан указ «о вольных хлебопашцах». Помещику разрешалось, в случае его желания, освобождать целые села и переводить своих крестьян в разряд вольных. Но за землю крестьяне должны были или заплатить сразу или в рассрочку, или же они продолжали нести за нее разные повинности.

Указ 1803 года не был законом. Все зави-

село от желания хозяина. Он был выгоден тем помещикам, которые хотели развязаться с землей и получить побольше денег, а из крестьян им могла воспользоваться лишь зажиточная деревенская верхушка.

Если указ 1803 года был просто пустым звуком, то закон 1819 года об освобождении крестьян в Прибалтийском крае имел прямо вредное, отрицательное значение. Под видом свободы он даровал крестьянам разорение: они получили личную свободу, но земля у них была отобрана, и они снова сели на нее уже помещичьими батраками.

В 1802 году Александр отменил было право помещиков ссылать своих людей на каторгу в Сибирь; в 1822 году он его восстановил.

При Павле I крестьянам официально было разрешено подавать жалобы в особую царскую канцелярию, и ходоки толклись в ней с утра до вечера; при Александре I это право было отменено, хотя на деле жалобы все-таки подавались, и царь обычно приказывал их рассматривать.

Только толку от этого рассмотрения было мало. Лишь в редких, особо вопиющих слу-

чаях, если помещик до тла разорил крестьян или засек их насмерть, у помещика отбирали имение и назначали над ним опеку. Обычно же ограничивались... выговором. Вот крепостная девка помещицы Томашевичевой жалуется, что помещица ее бьет и заковала в кандалы. И помещице предлагают дать подписку, чтобы она «без ведома полиции людей своих не наказывала». Она отказывается, и дело на том и кончается. А обычно местные власти просто сообщают, что жалобы крестьян неосновательны, что их наказывали «посредственно и умеренно».

А если жалоба признавалась неправильной, то жалобщиков нещадно наказывали.

Крестьяне помещицы Телепневой в Тамбовской губернии жаловались в 1818 году на изнурение и непосильные работы; но уездный предводитель дворянства признал, что крестьяне живут «в хорошем состоянии»; губернатор прибавил к этому, что ему «известны хорошие правила госпожи Телепневой и ее мужа». Помещица же вызвала роту солдат; пятерых крестьян запытали на-смерть, требуя от них ответа: кто посылал жалобу?

IV

Причины крестьянских волнений были очень разнообразны. Жестокие истязания, нищета, сокращение запашки и увеличение барщины, незаконная сдача в рекруты, продажа другому помещику и особенно продажа без земли, «на своз»,— все это могло вызвать то, что власть называла «отказом от повиновения».

Самая мирная форма такого «отказа» — забастовка. В одном имении Пензенской губрнии рисуется, например, со слов губернского чиновника такая картина:

«Возмечтав о вольности, крестьяне около 200 человек отложились от повинования. С дерзостью они объявили, что не станут на работы», пока им не будут «господский хлеб давать безденежно и не дадут располагать не только хлебом, но и всеми хозяйственными заведениями по произволу». Они собираются на тайные и открытые сходки и требуют смены управляющего.

Но иногда крестьяне переходят к активным действиям. Начинается дело с захвата помещичьего хлеба, с покосов его сена, порубок

его леса и расхищения имущества, а кончается настоящими вооруженными возмущениями.

Но борьба обычно направляется только против ближайшего врага — против помещика. Крестьяне хватают и избивают главного своего притеснителя, управляющего или старосту. Как только появляется администрация, как только приезжает губернатор или даже мелкий чиновник, крестьяне обычно сдаются. Власти иногда доносят, что они подавили восстание одними сердечными увещаниями: «Вразумления сии, на мерах кротости основанные, возымели совершенный успех, и все без изъятия, с пролитием слез, каялись». Что это была за «кротость», можно себе представить. Но нередко приходилось прибегать к вооруженной силе, и бунтари не смиряются и перед войсками, а сами переходят в наступление. Это уже самая активная, боевая форма крестьянского движения.

Вот несколько официальных донесений о том, как протекали такие крестьянские волнения.

В одном имении, в 1818 году, «требуя смены старост», крестьяне «делали разные не-

истовства, били дубьем старшину Дорошина и проломили ему голову»; «повязавши несколько пучков розог», они хотели наказать сотского. Вожак движения, крестьянин Иуда Сухорукий, собрал из соседних крестьян 300 человек, управляющий в страхе бежал.

Но когда появилась администрация, то крестьяне «раскаялись». Зачинщики были преданы суду.

А вот волнение, имевшее место раньше, в 1810 году, в Пензенской губернии. Тут крестьяне уже выступили с организованными военными действиями. Когда в деревню вступил воинский отряд в составе 150 человек, то крестьяне кинулись на них с пиками, дрекольями и косами и даже начали стрелять из-за плетня. Со стороны солдат было убито и ранено 17 человек, со стороны же крестьян — 39.

В 1815 году, в Курской губернии, в имении Анненковой, чиновник, посланный на усмирение, доносит, что никакие «кроткие и благоразумные советы» не подействовали на «заблудших»; крестьяне «глупо и вольномысленно» отвечали, что они «на всё готовы». Крестьяне били в набат и встретили солдат

разным «смертоносным орудием». Они «кричали с азартом, что если кого из них тронут, то без смерти дело не обойдется», кричали: «бей их всех до смерти», и защищались целую неделю «с самым отчаянным ожесточением».

Если уж крестьяне доходят до того, что подымаются, то действуют они при этом поразительно организованно и дружно, «взявшись друг за друга крепко за руки», и ни за что не выдают зачинщиков.

После усмирения следовали обычно розги и плети, а для главных зачинщиков, преданных суду,— сибирская каторга. Впрочем, бывало, что после экзекуций местные власти начинали такое же расследование причин волнений и общего положения крестьян, как это бывало после рассмотрения жалоб. Но и результаты бывали большею частью те же— «внушения» помещику или отбирание у него подписки о прекращении жестокостей.

В эти же годы не раз вспыхивали бунты и среди крестьян фабричных.

В 1812 г. помещица Щербинина продает около 1 500 человек своих новгородских крестьян помещику Яковлеву для вывоза части

их на его далекие вятские заводы. Две сотни людей должны быть оторваны от земли, от жен и детей и отправлены, как стадо, в далекий путь, который им кажется таким неведомым и ужасным, что они готовы предпочесть ему смерть. А в деревне знают, что еще в 1803 г. был опубликован царский приказ, по которому покупать крестьян на фабрики можно только из ближних мест, не расстраивая крестьянского хозяйства и не отнимая от новых рабочих их земли.

Ссылаясь на закон, крестьяне подымаются и оказывают отчаянное сопротивление. Даже женщины вооружаются дубинами и топорами. Вызванные для усмерения чиновники слышат крики: «Живыми в руки не дадимся! Во владение Яковлева итти не согласны, разве всех нас изрубят и отдадут ему трупы!» Посылают воинскую команду. Но крестьяне отражают залп ее «сильно и отчаянно»; на поле битвы остаются десятки раненых и убитых. После этого крестьяне рассеиваются по лесам и болотам, где их невозможно поймать.

Губернатор и предводитель дворянства не решаются сами въехать в бунтующую

деревню. Они окольным путем собирают сведения и доносят по начальству, что «там все обстоит благополучно», а крестьяне волнуются просто от «нехотения быть за помещиком Яковлевым и от привычки их к своевольству и буйству во время свободной жизни за прежними помещиками».

Словом, во всем виноваты сами крестьяне. Комитет министров, однако же, признает справедливость их требований и предписывает прекратить вывоз на вятские заводы. И все-таки этих правых крестьян усмиряют пулями, а арестованных зачинщиков наказывают кнутом и ссылкой в Сибирь, с клеймением каленым железом и вырыванием ноздрей.

А каково жилось рабочим у этого самого помещика Яковлева, мы тоже знаем. В 1815 г., уже свезенные из Яранского уезда на вятские заводы, крестьяне волновались и добивались возвращения их домой. Генерал, посланный туда для усмирения, принужден был признаться, что «крестьяне лишены собственности и погнаны, как стадо скотов, из мирных жилищ в каторгу, ибо работа на Холуницких заводах так же трудна, как на Нерчинских».

Жизнь их, по словам генерала, похожа на жизнь рабов-негров на американских плантациях. Из опасения побегов, у них отняли лошадей и деньги и скучили их в одно грязное, тесное помещение; одна шестая всего состава погибла от разных болезней. Вместо денег выдают провиант и одежду из заводской лавчонки, считая их по такой высокой цене, что рабочие в неоплатном долгу у администрации.

На заре русской фабрики, значит, применялись те же самые способы закабаления и разорения рабочих через лавочку, которые вызвали через сто лет, при закате самодержавия, памятную всем кровавую бойню на ленских приисках.

Картина, казалось бы, ясна. Но генерал колеблется, как только дело доходит до решения. «Можно ли,— запрашивает он,—из сострадания к сим несчастным возвратить их на прежние жилища, или сколь вредно будет сие для общественной пользы?»

И в видах общественной пользы, то-есть пользы заводчиков, правительство постановило: контору «обязать» не злоупотреблять

выдачей расчетов, но крестьян оставить на прежнем месте, внушив им повиновение, а виновников возмущения и жалобщиков наказать двадцатью ударами плетей, заклеймить, вырвать ноздри и сослать на каторжные работы в Нерчинские рудники.

Конец увенчал дело.

В те же годы происходили крупные волнения среди крестьян Пермской губернии, приписанных к заводам Гороблагодатским и Верхне-Исетским, а также на большом Белорецком заводе Пашкова в Оренбургской губернии.

Борьба пашковских горнорабочих продолжалась с перерывами пять лет. Пришлось послать оренбургского чиновника, чтобы он на месте расследовал положение завода, и даже он должен был признать в своем донесении, что положение рабочих ужасно.

У крестьян, приписанных к заводу, была отнята почти вся земля, и они принуждены были на последние гроши снимать себе жалкие участки у соседних башкир. Времени для обработки земли им тоже не давали: и землю, и время людей взял себе помещик. Он не отпускал им семян, но требовал, чтобы

они молотили хлеб на господском гумне, платя за это втридорога. Нищета заводских крестьян дошла до крайности, им не выдавали жалованья, делали с них вычеты за пережженный уголь и чугун, и они были принуждены питаться мирским подаянием. Управляющий и приказчики жестоко обращались с ними, и докладчик сам видел людей, закованных и с бритой головой.

«И вот,— пишет губернатор, перечисляя все эти «основательные причины неповиновения» крестьян,—они, «по сродному простолюдинам легкомыслию начали делать скопища и впадать в заблуждения», а потому он и решил «обуздать их слабоумие» при помощи 800 солдат, учинив над ними «умеренное понуждение». Это замечательное «обуздание за основательные требования» происходило в 1814 году. Но борьба дошедших до отчаяния рабочих не прекращалась: в 1815 году губернатор еще раз сообщает в Петербург, что «волнения крестьян происходят от того, что управляющий руководствуется нечеловеколюбивыми приказаниями своего господина», но добавляет, что «столь противозаконные действия» помещика надо все же считать «з а-

служивающими уважения только потому, что они делаются от помещика на крепостных людей». Требования рабочих, чтобы управляющий избирался с их согласия, надо считать неуместными потому, что «если отнять у помещика волю избирать правителей над людьми и заведением, ему принадлежащим, то можно ли признать его полным владельцем и распорядителем оных?»

Но правительство не могло все-таки смотреть сквозь пальцы на такое положение. Дело было, конечно, не в человеколюбии, а просто в том, что есть такие границы истощения рабочих, при которых останавливается производство. А горное дело было слишком важно для казны.

В конце концов была образована комиссия для упорядочения дел на заводе. Она состояла из двух чиновников и... самого Пашкова! Комиссия должна была рассмотреть вопрос о продолжительности рабочего дня и о заработной плате. Но, на ряду с этим, «для утверждения в крестьянах должного начальству и помещику послушания», 85 бастовавших рабочих были наказаны, кто плетьми, кто ссыл-

кой или на уральские золотые прииски, или на поселение в Сибирь.

Волнения происходили и на десятках других фабрик и заводов в разных губерниях. Поссессионные рабочие добивались такой же заработной платы, как для вольнонаемных, сокращения рабочего дня, возвращения отнятой у них пахотной земли и выпаса, права не жить в казармах, не работать вместо фабрики на дворе и в доме хозяина; жаловались они на побои и истязания. Они посылали ходоков, а то и бросали работать. Дальше все шло, как по-писанному. Производилось расследование, администрация выгораживала хозяев, ходоков арестовывали и наказывали плетьми.

И все-таки, нельзя было терпеть прорыва в производстве. И вот на некоторых крупных фабриках — как, например, на большой Ярославской мануфактуре Яковлева или на суконной фабрике Осокина в Казани — вводится «фабричное положение». Заработная плата повышается на 7—10%, рабочий день сокращается до 13—12 часов.

Так на отдельных фабриках шаг за шагом крепостные рабочие отвоевывают себе пер-

вые зародыши фабричного законодательства.

V

Каждый раз, когда власти сталкиваются с волнением крестьян, они усматривают в нем «преступное и безумное стремление к вольности». На самом деле это было не так. Крестьяне подымались еще не во имя полного раскрепощения, вольности вообще,— на восстание их толкало невыносимое положение, голод, плети, и они требовали всегда чего-то своего, ближайшего. И однако именно в эти годы, в годы так называемой «отечественной войны», в крестьянское движение влилась и политическая струя.

Начиная с 1797 года между Россией и Францией шли длительные, лишь на короткое время прерываемые войны. Сначала боролись две силы: русское крепостническое самодержавие и французская революционная республика.

Когда во Франции в 1792 году свергли с трона и казнили короля, когда у власти стали крайние группы молодой революционной буржуазии, «третьего сословия», поднявше-

го знамя восстания против господства двух других, поземельного дворянства и духовенства,— тогда ополчилась на французскую республику вся Европа, боясь за спокойствие своих тронов. Французские эмигранты агитировали за эту интервенцию, столь похожую на ту, которую еще так недавно переживала советская Россия.

Французская армия победоносно защищала свои границы и перешла в наступление. В завоеванных пограничных областях Германии и Италии — везде дряхлые королевства заменялись новыми республиками, и везде происходило то, что было первым делом французских революционеров,— освобождение крестьян.

Но уже в 1794 г. волна революции в самой Франции стала спадать. Пало правительство крайней революционной партии якобинцев, началась реакция. Большая власть была в руках разных генералов, ведших крупные армии в разных направлениях. В 1799 году один из этих генералов, Наполеон Бонапарт, арестовал правительство, «Директорию», и стал во главе государства. В 1801 г. он принял титул императора.

Воцарение Наполеона не могло похоронить, однако, всех завоеваний революции. Революция была совершена не пролетариатом, который тогда еще только начал зарождаться, а буржуазией. Она осталась господствующим классом и при Наполеоне. Помещик в свое имение не вернулся. Крестьяне-собственники сохранили и свободу, и землю; и законодательство Наполеона не ослабило, а только укрепило деревенскую мелкую буржуазию. Власть аристократии и духовенства была сломлена.

Вот почему «наполеоновские войны» были в глазах и друзей и врагов продолжением «революционных». Наполеон пытался расширить французский торговый и промышленный капитализм; в смертной схватке с Англией он стремился сломить английскую торговлю и установить по всей завоеванной им Европе «континентальную систему», где-то шептали, что «француз» несет «вольность». Надвигалось что-то неведомое, появилась новая власть, а от нового все склонны были ждать лучшего. Ведь уже хуже, чем было, быть не могло.

Когда французские войска заняли Поль-

шу, слухи стали настойчивее. Там были введены французские порядки, и крепостные «хлопы» получили личную свободу.

Теперь нам понятна та боязнь со стороны московского губернатора Растопчина, о которой мы говорили вначале. Еще гораздо раньше он писал: «Все наше вооружение обратится в ничто, когда толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной путем истребления дворянства». А теперь, в 1812 г. он прямо указывает, что «мужики наши ожидают какой-то вольности, это очаровательное слово кружит им головы».

В официальных бумагах и записках современники твердят о том, что патриотическое воодушевление охватило всю страну, что все подымаются, как один человек, и с радостью готовы умереть, чтобы изгнать ненавистного врага. Описывается торжественный въезд царя в Москву при звоне колоколов, умиленные слезы и восторженные клики «народа»: «Ангел! Батюшка! Веди нас!»

Но имеется и обратная сторона медали. Родная сестра царя, великая княгиня Ека-

терина Павловна, пишет брату после отступления русских войск из Москвы: «Недовольство достигло высшей степени, и вашу особу далеко не щадят. Судите об остальном по тому, что это доходит до моего сведения. Вас открыто обвиняют в несчастии, постигшем ваше государство, в разорении общем и частных лиц, вас обвиняют в бездарности».

По рукам ходило письмо Александру от трех важных сенаторов, в котором они пишут: «Крестьяне выжидают только первого знака к бунту. Все отягощены и разорены; дворянство, духовенство, крестьяне, купцы — одинаково исполнены чувством негодования и отчаяния».

Был поднят вопрос о выезде правительства из Петербурга, в виду близости неприятеля. Но в Совете министров возник страх. «Всякому известно, кто только имеет крепостных людей, что род людей сих обыкновенно недоволен господами. Если оставить столицу до нашествия варваров, то сии домашние люди, подстрекаемые буйными умами, в соединении с чернью, все разграбят, опустошат, разорят».

Поползли слухи. Каждый день и в столицах, и в провинции полиция хватала какого-нибудь «агитатора» из крепостных, который вел вольнодумную беседу где-нибудь в трактире или на улице. Все их показания были однообразны. Они слышали, что «скоро у нас в России вся несправедливость будет ниспровергнута», что «когда французы покорят Россию, то они всех объявят вольными», что «все помещики будут на жалованьи, и нам всем легче будет».

Ходили слухи о том, что Наполеон писал к царю, что «если он желает иметь мир, то освободил бы всех крепостных». Создалась даже забавная сказка о том, что Александр сам пустил француза в Россию, чтобы он его именем освободил крестьян. Самому-де дворяне не позволяют!

В одном московском трактире арестовали студента, проповедывавшего, что приход Наполеона «послужит ко всеобщему благополучию». В Наполеоне многие видели тогда революционного героя.

Подозреваемых во французской или даже просто в антиправительственной агитации жестоко наказывали. Несколько лю-

дей,— как, например, чиновник Ипатович, который рассказывал, что француз в Смоленске всем дал вольность, или отставной майор Бошняк, который ругал царя и говорил: «А для нас все равно, кто император»,— просидели несколько лет в крепости, в Алексеевском равелине, пока не получили «царского прощения».

Приказано было ковать в железа всякого, кто будет «сладко говорить о французах».

Правительственный секретный комитет решил усугубить полицейский надзор по всем местам, где собирается народ, бдительно следить за всеми «дерзостями и неприличными болтаниями», а также усилить цензуру.

Наполеон сам задумывался над тем, не использовать ли ему в своих целях настроения крестьянства. Несомненно, как во всякой войне, и тут русские власти видели часть французских шпионов там, где их вовсе не было, но нет дыма без огня. Растопчин в одной из своих патриотических афиш глупо проговорился, объявив, что «Наполеон солдатам сулил фельдмаршальство, нищим— золотые горы, а народу—свободу». Такие от-

кровенности вряд ли способствовали тому, чтобы отвратить народ от Наполеона; сам Растопчин толкал его в объятия французского императора.

И действительно, Наполеон внимательно следил за положением дел. Еще в 1808 году, в короткий период мира с Россией, его шпионы доносили ему, что крестьяне будут расположены стать на сторону победоносной французской армии, потому что «они только и мечтают о свободе и слишком хорошо познали свое рабство, которое очень жестоко».

Одному из своих генералов, принцу Евгению, Наполеон пишет в августе 1812 г. по поводу слухов о волнении крестьян близ Велижа: «Если бы это восстание крестьян произошло в старой России (а не в польских губерниях), то оно было бы очень выгодным для нас. Сообщите мне сведения об этом и дайте знать, какого рода прокламацию можно было бы написать, чтобы возбудить восстание крестьян и привлечь их на свою сторону».

Есть отрывочные сведения, что Наполеон по пути кое-где беседовал с крестьянами,

что он пытался наладить сношения с казаками и с казанскими татарами и разжечь в них тлевшее стремление к национальной независимости. В Кремле он разыскивал уцелевшие документы о пугачевском восстании.

Нетерпеливо ждали Наполеона и разные сектанты, преследуемые церковью. В Томской губернии они избрали из своей среды делегацию, которая должна была приветствовать Наполеона.

«Французы распространяются всюду и проповедуют о вольности крестьян», — писал Растопчин в частном письме. У страха глаза велики, и, несомненно, такой организованной агитации, какая мерещилась перепуганному губернатору, быть не могло, но отдельные случаи засвидетельствованы. В одном имении Тульской губернии какие-то люди проповедывали с телеги собравшимся крестьянам, чтобы они не пугались Наполеона, что он идет их освободить, а помещиков уничтожить.

Однако, Наполеон отказался от мысли поднять крестьянское восстание. Почему?

По возвращении в Париж, в декабре 1812 г., Наполеон заявил в своей речи в Сенате:

«Я мог бы вооружить против России самую большую часть ее населения, провозгласив освобождение рабов; во множестве деревень меня просили об этом. Но когда я увидел огрубение этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть и мучения».

Значит, Наполеона разочаровала и заставила пойти вспять «грубость» русских крестьян? В чем же она выразилась?

Крестьянство встретило войну без всякого воодушевления, хотя о нем и трубили казенные патриоты. Рекрутский набор проходил тревожно. Там и сям забранные в солдаты бежали в лес, а в нескольких местах крестьяне волновались и отбивали рекрут у помещика. Наблюдалось массовое самокалечение, крестьяне отрубали себе пальцы, чтобы только не итти на войну.

Обычного рекрутского набора (1 человек на 50) было мало; правительство кликнуло клич всеобщего народного ополчения на 16 губерний.

Вся слава от сбора ополченского полка падала на дворян. Были случаи, когда свобод-

ные государственные крестьяне доброволь-но хотели записаться в ополчение; в этом им было отказано: крестьянина сдавал в «дворянское» ополчение только дворянин. Самих же ратников никто не спрашивал, они были собственностью собравшего полк по-мещика, и он жертвовал ими, как своим ка-питалом, на алтарь отечества. А между тем из крестьян составилось все ополчение, и дворяне в лучшем случае участвовали в нем, как офицеры. Недаром так едко прозвал всю эту затею писатель Грибоедов: «всеобщее ополчение без дворян».

Ополченцам сулили всякие льготы: горо-жанам — оставить их излюбленную одежду, не брить бороды и до поры до времени оставить их по домам; крестьянам — освобо-дить их на несколько лет от рекрутчины и на год от оброка. Но крестьянство имело позади себя горький опыт. Уже в 1806-07 го-дах, перед одной из прежних войн с Напо-леоном, было объявлено такое же ополче-ние, а по окончании его все ополченцы бы-ли механически превращены в регулярных солдат: помещикам было гораздо выгоднее отдать этих уже оторванных от земли лю-дей, чем поставить новых рекрут.

При наборе в ополчение происходило все то же, что и при наборе рекрут. Сдавали в наказание, «пьяниц, мотов, для имения непригодных»; гнали слабых и больных; брали многосемейных; покупали людей друг у друга. Ополчение вырывало из жизни тысячи новых людей. Тяжело ложилось оно и на плечи остающихся. Жители обязаны были терпеть у себя постой ополченских полков, доставлять им провиант, пускать лошадей на свои выгоны.

Немудрено, что война для крестьян была величайшим несчастием, что многие готовы были бежать к французам и искать у них вольности. Но все дело в том, что и французы, издали столь заманчивые, обернулись к крестьянам неказистой стороной. Огромная армия Наполеона, углублявшаяся суровой осенью в чужие земли, голодала и холодала. Приходилось прибегать к жестоким реквизициям. Прокламация «К смоленским обывателям» — это один крик о хлебе.

«Смоленские обыватели! Французское войско и гражданское правление употребляют все усилия, чтобы дать вам спокойствие и защиту. Но поля одних разорены, другие

целы, и французское правительство не знает, как с ними быть. Помещики, явитесь и имейте доверие к французской власти! Крестьяне, везите хлеб, идите под защиту французского императора!»

«Император требует от вас одного: хлеба, хлеба и хлеба!» — сказал маршал Даву представителям города Могилева. Во всех занятых местностях французы образовали городские самоуправления, «муниципалитеты». Члены их были назначены французскими чиновниками — интендантами; среди горожан — купцов, ремесленников, учителей,— в состав их иногда попадали и дворовые. Муниципалитеты должны были заботиться о спокойствии и благоустройстве города, о расквартировании войск и прежде всего о доставке хлеба.

В муниципалитет сыпались жалобы крестьян на грабежи и бесчинства солдат. «Освободители» прибавили большую ложку в общую бочку крестьянских страданий. И потеряли весь свой ореол.

Тогда-то, нужно думать, и создалась поговорка: «голодный француз и вороне рад», и выражения: «кормиться на шаромыжку»,

от французского «шер ами» (милый друг): француз-де приходит кланяться и все твердит: «шер ами».

Вот это-то и является причиной «грубости» русских крестьян по отношению к солдатам «великой армии».

«Несомненно,—пишет английский генерал Вильсон, сопровождавший Наполеона в Россию, — что восстание рабов могло бы быть возбуждено в России, если бы могли поддержать дисциплину в разнородной армии Наполеона и избегли оскорблений и насилий, которые довели народ до ожесточения».

Вначале крестьяне надеялись на то, что французы помогут им расправиться с помещиками, но когда французы сами принялись за грабежи, крестьяне начали и от мародеров отбиваться вилами и топорами.

Вместо крестьянского восстания на помощь Наполеону, получились партизанские отряды. Особенно тяжело далась французам борьба с крестьянскими партизанами на обратном пути: ослабевшая, разбитая армия возвращалась зимой по старой, уже разоренной Смоленской дороге, дисциплина распа-

талась окончательно, и блестящие императорские полки превратились в банды голодных хищников. И здесь крестьяне оказали им упорное сопротивление, и их неуловимые отряды были гораздо страшнее регулярных войск.

Но партизанщина, как самозащита, вообще не означает, что крестьяне были воодушевлены какой-то национальной идеей, что они сражались за государство и примирились со своим положением. Наоборот, борьба шла на два фронта: как раз в военной полосе, при общей разрухе, крестьянские волнения против помещиков вспыхнули с новой силой.

В Минской губернии они имели очень острый боевой характер. Это уже не те, обычные в предыдущие годы «бунты», которые выражаются в подаче жалоб, в скопищах и в отказе от работ. Здесь — картина иная.

Происходят поджоги усадеб и убийства помещиков. В Борисовском уезде действуют организованные крестьянские отряды из нескольких деревень; они скрываются в лесах и оттуда нападают на усадьбы и хлебные амбары. В деревне Тростянах при при-

ближении неприятеля все крестьяне бежали в лес; но помещик тоже укрылся туда же от французов, поселился в шалаше и начал оттуда чинить суд и расправу над крестьянами, не выдавая их хлеба и заставляя их работать на себя больше прежнего. Тогда крестьяне убили помещика и всю его семью, всего 9 человек, и разделили между собою его зарытое в землю имущество.

В Витебской губернии, в июле, при приближении французов, крестьяне перестали повиноваться и помещикам, и русским властям. Они отказались выдать рекрут и ополченцев и перевезти провиант для армии; они бросились на усадьбу, забрали помещичьи деньги, хлеб и скот, а бурмистра и ключника избили, связали и повезли к французам. Управляющий имением сообщает губернатору, что крестьяне обо всех своих действиях снеслись с отрядами французов.

Такие же тревожные сообщения несутся и из других уездов. Губернатор просит о помощи русского генерала, командира корпуса, стоящего вблизи. Он пишет, что, «по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости, кресть-

яне достигли высочайшей степени буйства и возмущения», и просит воинской помощи. Но генералу, занятому борьбой с французским нашествием, было не до того, и помощь не явилась.

Волнения продолжались до зимы, во все время французской оккупации. Крестьяне продолжали грабить имения, убивать помещиков, освобождать рекрут и привозить во французский лагерь связанными своих господ.

Так же бурно протекало крестьянское движение и в Смоленской губернии. Бежавшие помещики получали сведения, что в их имениях крестьяне взбунтовались и «возмечтали, что они будут принадлежать французам навсегда».

Но и отношение французских властей к крестьянским волнениям было двойственным. Великий соблазн крылся в этой разбушевавшейся стихии, которую можно было заставить служить себе, но и великая опасность. Французские генералы то агитировали, то пугались и сдерживали. Они то принимали, как пленных, привезенных к ним помещиков, то, наоборот, отправлялись к ним на помощь.

Помещики-поляки с самого начала встречали Наполеона с восторгом и надеждами и видели в нем освободителя Польши от ига России; они, естественно, должны были обращаться к нему же за помощью против крестьян. Но и русские помещики могли пренебречь своими патриотическими чувствами и искать у «изверга рода человеческого», у Наполеона, помощи.

И французы не раз помогали усмирять. В имении Радзивилла арендатор произвел жестокую расправу с крестьянами при помощи французских солдат. Наполеон больше всего боялся, что беспорядки отразятся на сборе урожая и на заготовках хлеба. В Литве ожидали того же уничтожения крепостного права, что и в Польше, но вместо этого было выпущено воззвание к городским и сельским властям; оно гласило, что «до объявления во всеобщее сведение других распоряжений все крестьяне обязаны повиноваться помещикам и арендаторам и отбывать работы и повинности». Воззвание указывало на обильный урожай, как на доказательство того, что «сам бог покровительствует великому Наполеону», и требовало

выполнения барщины, так как «в этом залог продовольствия и благосостояния самих же крестьян».

В Смоленской губернии французский интендант издал прокламацию, в которой обещал крестьянам милость Наполеона и предлагал им не волноваться, а «спокойно работать и связать хлеб». Но крестьянам нужна была от французов одна «милость»: освобождение от помещиков, а этого-то Наполеон и не решался объявить.

Издали крестьянские беспорядки казались заманчивы, вблизи же красный призрак делался грозен и страшен, Среди французов уже стал ходить вздорный слух, что русские сами подымают крестьян против поляков-помещиков и против французской армии. В Витебской губернии был назначен интендантом аристократ, маркиз Пасторэ, человек старого режима. В своих записках он дает яркую картину положения крестьян в Белоруссии. Он понимает, почему они должны восстать:

«Прикрепление к земле, необходимость отдавать часть рабочего времени, требование разрешения господина для вступления в

брак, нещадные телесные наказания, сдача в солдаты...» Но тут же рядом маркиз объясняет крестьянские восстания тем, что «тайные агенты революции (?!) внушили им, что свобода не что иное, как крайнее своеволие»!

Уж не русские ли помещики оказались этими тайными агентами революции?

Словом, при ближайшем столкновении с крестьянами планы «сына революции» о поддержке крестьянской революции пошли на смарку. И император Наполеон предпочел поддерживать польских и даже русских помещиков, требуя с крестьян прежней работы и усиленного подвоза хлеба! Такое положение было, конечно, естественнее.

«Император мог бы поднять восстание в русских губерниях, если бы хотел дать волю народу, — пишет один современник, — но Наполеон был в то время уже не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархию во Франции и трудно проповедывать революцию в России».

Если беспорядки происходили в пределах досягаемости русских войск, то за ними

обычно следовала и жестокая расправа. Помещики Смоленской губернии спасались — то ли от французов, то ли от крестьян — в соседней Тверской; они получали преувеличенные вести из своих имений, что крестьяне поделили барское имущество, не признают больше русских властей, считают себя французами и помогают неприятелю. И, по просьбе помещиков, на бунтовщиков временами налетали расположенные вблизи русские отряды. Так, генералу Дибичу удалось ответить расстрелами и розгами на волнения бельских крестьян, которые убили своего вернувшегося было помещика. Тогда соседние витебские крестьяне собрали на границе ополчение в 300 человек, чтобы не подпустить к себе смоленских усмирителей.

И в самой Тверской губернии были крупные волнения и пять карательных экспедиций. Здесь тоже ждали французов и толковали о вольности.

Крестьянские волнения, как тень, сопровождали французов по всему пути их следования. Они разыгрались даже в сердце страны, в Московской губернии, когда французы вступили в столицу.

Повторялось то же, что в западных губерниях. Как только доносился слух о приближении Наполеона, крестьяне бросали работы. Помещики бежали из своих имений, крестьяне убивали управляющих и захватывали барское имущество. Носились те же слухи «как только придут французы, помещиков больше не будет, вся земля будет наша». Крестьяне отказывались итти в ополчение, приговаривая: «Станем мы лошадей готовить про господское добро! Придет Бонапарт, нам волю даст, а мы господ знать не хотим!»

И в центральных губерниях крестьяне входили в сношения с французами, приводили к ним своих помещиков. Так, крепостные одного помещика донесли, что он убивал французов-мародеров, и французы его расстреляли.

Захвачены и разграблены были самые роскошные подмосковные имения московских богачей, с их парками, оранжереями и дворцами. Поднялось около 3 000 крестьян князя Юсупова в знаменитом селе Архангельском. Даже в Москве были случаи возмущения дворни, грабежи и поджоги дворцов. Это

движение дворовых Растопчин успел еще жестоко усмирить перед оставлением города.

Но слухи о французах неслись дальше, и волнения вспыхивали и в тех губерниях, куда армия Наполеона не докатилась, даже в таких отдаленных, как Архангельская, Казанская, Саратовская, Екатеринославская, даже в Сибири.

VI

В октябре французы оставили Москву. Началось отступление громадной армии, отступление разбитых полков, голодных и затерянных среди неведомых, бесконечных снежных полей. Усилились мародерство и грабежи, против которых крестьяне сплачивали партизанские отряды; надежды крестьян на общие с французами цели кончились. 25 декабря последний французский солдат перешел границу.

Но война длилась еще два года. Оборона перешла в нападение. Русские войска были двинуты на Францию.

Покуда речь шла о защите своей земли, своей избы и коров от грабежа французских

солдат, война еще могла быть сколько-нибудь популярна среди крестьян. Но никого не могла вдохновить мысль о далеком, трудном заграничном походе.

В декабре 1812 года, когда война на русской земле уже кончилась, вспыхнуло крупное восстание крестьян-ополченцев в трех уездах Пензенской губернии. Ратники в Инсарах, когда они прочли приказ о выступлении в поход, потребовали роспуска ополчения и возвращения по домам. Зачинщики были арестованы. Но другие ратники кинулись их освобождать. Офицеры были схвачены, избиты и брошены в тюрьму; для них начали строить виселицы. Солдаты выбрали нового полковника из своей среды.

Движение приняло резкий классовый оттенок. Мелкое городское население помогало ополченцам, и вместе они грабили два дня дома дворян и купцов. На базаре кричали: «При Пугачеве всех не перевешали, а теперь не вывернетесь! Нас и собирать государь не велел, а требовал одних дворян; а вы вздумали остаться дома, да нас вместо себя посылать кровь проливать!» Носились, как обычно, слухи о царском указе с золо-

той печатью: царь-де велел всех дворян перевешать!

На второй день подоспел отряд, подавивший восстание. Было арестовано около 400 человек. Одновременно вспыхнуло восстание в других ополченских полках, в Саранске и в Чембарах. Здесь тоже ратники требовали роспуска ополчения и отказывались присягать. В Чембарах для расправы был вызван регулярный полк; по мирным, никого не избивавшим ратникам был дан артиллерийский залп и убито 23 человека.

После этого начался военный суд. В одних Чембарах было осуждено свыше 300 человек. «Три дня лилась кровь ратников,— пишет один современник,— многие, человек 50, лишились жизни под ударами палачей». Уцелевшие были отправлены в Сибирь на каторгу или на поселение, на вечную солдатскую службу, с клеймением и вырыванием ноздрей.

VII

Наконец, в 1814 году «победоносная армия» вернулась домой. Цель Александра I была достигнута. Париж был взят русскими и гер-

манскими войсками, Наполеон низвергнут, и восстановлена «законная властъ»: на престол был посажен брат казненного за 22 года перед тем короля, ненавистный всей Франции. Началась самая злая, черная реакция, и все это было сделано руками русских крепостных крестьян, которых заставили взять ружья и пройтись по всей Европе. Но им, «освободителям Европы от чудовища-Наполеона» — свободы не дали.

Однако французский поход для русских солдат даром не прошел. Прежде они знали о «французской вольности» по наслышке, — теперь они побывали во Франции, увидали воочию страну, где не было крепостного права.

«Еще война длилась, когда ратники, возвратясь домой, первые разнесли ропот в низшем классе народа. Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас заставляют опять потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа. Войска, от генералов до солдат, только и толковали, как хорошо в чужих землях».

Один из больших русских писателей того времени, А. С. Грибоедов, задумал напи-

сать драму о войне 1812 г. Сохранился только ее отрывочный план. Героем драмы должен был быть крестьянин М. Он попадает в крепостное ополчение, во «всеобщее ополчение без дворян». М. совершает разные подвиги, а рядом с ними бьет в глаза «трусость служителей правительства».

И чем же кончается солдатская жизнь крестьянина? Вот, как намечает Грибоедов заключение своей драмы:

«Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М. в пренебрежении у военначальников. Отпускается во-свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию. Прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет сбрить ему бороду. Отчаяние... самоубийство».

Вот эти-то настроения ратников и были причиной крестьянских беспорядков в 1814 г.

Когда крестьян в 1812 г. гнали в ополчение, им обещали, что, «по изгнании неприятеля, всяк возвратися с честью и славой в первобытное свое состояние».

В 1813 г., когда начали распускать некоторые ополченские отряды, было объявле-

но: «Да обратится каждый из храброго воина снова в трудолюбивого земледельца и да наслаждается посреди семейства и родных приобретенной честью и славой».

Но крестьяне меньше всего желали возвращаться в «первобытное состояние» и наслаждаться спокойствием и славой на барской конюшне.

Какую награду получили крестьяне за все перенесенное на войне? Ровно ничего. В манифесте 30 августа 1814 г., даровавшем разные милости участникам войны — дворянам, о крестьянах были сказаны знаменитые слова:

«Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду свою от бога». Казенным крестьянам царь обещал «приложить старания доставить им разные пособия», а о крепостных выразил уверенность, что помещики «отечески позаботятся о них».

На бога и помещиков царь переложил свой вексель. И помещики его хорошо учли.

В Витебской губернии помещик Жабровский бил крестьян-ополченцев плетью за то, что они не хотели снять с шапки ополченского креста, бил и приговаривал: «Вот вам французы, вот вольность, вот крест!»

Архиепископ Феофилакт сообщает о положении дел в разоренной Смоленской губернии:

«Помещики просят только денег и денег, чтобы поправить свое, а не крестьянское, состояние. Возвращаясь в свои деревни, отнимают у крестьян последнее, заставляя их кормиться милостыней, но где получить оную? Большая половина жителей нищенствует. Крестьяне, обличаемые в присвоении господских вещей, наказываются без пощады. Смоленские помещики до того своекорыстны, что хотят и из камней добывать масло».

Даже из роспуска ополчения помещики сумели извлечь большую выгоду. Убитые ополченцы шли в счет будущего рекрутского набора, и на них выдавались зачетные квитанции. Эти квитанции охотно скупали те помещики, которые не хотели лишаться рабочих рук и ставить рекрут. Актер М. С. Щепкин рассказывает в своих воспоминаниях, как одна дама, считавшаяся и образованной, и доброй, говорила за званым обедом: «Вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу! Он отдал в ополчение 9 че-

ловек, а возвратился всего один, так что он получил 8 рекрутских квитанций и продал их по 3 000 рублей; а я отдала 26 человек, и на мою беду все возвратились, — такое несчастие!»

Области, застигнутые войной, были разорены до тла. Вернувшиеся крестьяне жили в шалашах, питались грибами, умирая от повальных болезней. Надо было убрать трупы, заново обстроиться, начать хозяйничать. А с крестьян сразу начали тянуть не только обычные налоги, но недоимки за годы войны, да еще новые поборы — чрезвычайные: они должны были чинить дороги и мосты, исполнять почтовую гоньбу для возвращающихся войск, поставлять лошадей и фураж.

Не хватало времени на работу, и не было ни скота, ни семян на обсеменение. Безлюдные деревни, заросшие поля, умирающие жители — вот картина Смоленской губернии. Даже по казенным подсчетам, крестьян, совершенно разоренных, в ней оказалось 43 384 человека. Правительство принимало кое-какие постановления об оказании денежной помощи разоренным и о

сложении с них недоимок. Но все это оставалось на бумаге.

Казенные крестьяне послали в Смоленск ходоков. Они жаловались, что местные власти не выдают им обещанного от казны пособия, за недоимки у них распродают весь хлеб на корню, и весь скот, да еще избивают их. Ходоки были арестованы, как бунтовщики. Вновь послали жалобу губернатору, который оставил ее без последствий, заявив, что крестьянам запрещено жаловаться кому-либо, кроме своего прямого начальства. Тогда крестьяне отправили новых ходоков — «к самой царице», а сами собрались на сход и оказали открытое и даже вооруженное сопротивление воинской команде, которую прислали для усмирения.

Наконец явился важный чиновник из Петербурга. Он произвел расследование и признал всю справедливость крестьянских жалоб. Он выхлопотал пособие и рассрочку недоимок для разоренных деревень и предложил предать суду «бессовестных» местных чиновников. Но все-таки он освободил лишь часть арестованных,— 14 человек, «наиболее наклонные к неповиновению» были высла-

ны в другие губернии. Крестьянин всегда виноват!

Слухи о воле вспыхнули по окончании войны с новой силой, именно среди ополченцев. Они не могли допустить мысли, что они возвращены в «первобытное состояние».

Новгородский помещик и знаменитый поэт, Г. Р. Державин, жаловался в Петербурге, что его ратники вообразили себя теперь казенными людьми, не слушаются и не хотят итти работать. И другие помещики Новгородской и Петербургской губерний просили защиты от буйных и непокорных ратников, которые вообразили себя свободными. С другой стороны, и ополченцы посылали ходоков «просить себе пощады от господского принуждения работать наравне с прочими крестьянами». Они жаловались, что по возвращении из похода не нашли ни кола, ни двора, что их земли отданы другим, а скот забран на господский двор, и что они и не могут, и не должны отрабатывать барскую работу.

В имении придворного банкира Раля в Петербургской губернии волнение приняло довольно острые формы. Ополченцы — 50 человек — отказались итти на работу и отбили

арестованного зачинщика. Угроза Сибирью никого не испугала: «лучше в Сибирь, чем к помещику»,— был общий голос.

Кое-где властям пришлось итти на уступки, освобождая ратников от работ на разные льготные сроки. Но главных виновников, «действовавших не от непонимания воли государя, а от буйности», обычно предавали суду и ссылали в Сибирь.

Волнения охватывали не одних ополченцев. Носились и перед войной слухи об общей воле. В Москве «опять болтали о воле по трактирам». В Нижнем-Новгороде на базаре были арестованы «разглашатели пустых новостей», рассказывавшие, что государь приказал отобрать крестьян у дворян, но сенаторы и господа не хотят этого и заарестовали царя, пока не освободил его великий князь Константин. Тревожные донесения шли из Московской, Калужской и других губерний: крестьяне ждут с часу на час манифеста, бунтуют и не идут на барщину.

И все-таки движение 1814 года, после войны, не приняло таких острых форм, как движение 1812 года. Оно вылилось в форму простого «неповиновения», в форму заба-

стовки. Те погромы усадеб, аресты и убийства помещиков, которые были возможны тогда, когда помещики бежали из имений, бросая их на произвол судьбы, когда приближались французские войска, — теперь были немыслимы. Гроза шла на убыль.

Даже петербургская власть понимала, что с беспорядками, порожденными исключительными событиями, надо покончить помягче. Еще в 1813 году Аракчеев сообщил сенатору Каверину, временно заведующему Смоленской губернией, что «государь приказывает оставить всякие розыски о крестьянах, кои в бытность неприятеля выходили из повиновения».

Это согласовалось и с общей амнистией 1812 года, примененной к тем, кто в западных губерниях «принужден был преклониться на сторону неприятеля». Но гораздо строже отнеслась власть к тем, кто принимал участие в московском и губернских самоуправлениях, организованных Наполеоном. Признано было, что «все более или менее виноваты, хотя некоторые только в слабости духа». Из Московского муниципалитета некоторые получили по 20 лет ссылки в Си-

бирь, а имущество тех, кто ушел вместе с французами, было конфисковано.

Но крестьяне мало видали радости от царской амнистии. Помещики на местах уже расправились с ними по-своему.

Так и закончилось ничем крестьянское движение 1812—14 годов.

В чем же причины его неудачи?

Крестьянство не было сплоченной, организованной силой, сознающей себя как класс и ставящей себе четкие классовые цели. Восстающие действовали разрозненно, редко связываясь между собой. В самом крестьянстве начиналось расслоение и выделение кулацкой верхушки. У крестьян оброчных, барщинных фабричных интересы были разные; каждый раз крестьяне подымались во имя непосредственных, ближайших целей; они протестовали против жестокого управляющего, непосильных поборов, своза без земли, против злоупотреблений, а не против крепостного права вообще. А в 1814 г. ополченцы боролись за свои узкие, частные права, за то, чтобы их не сравняли опять с прочими крестьянами.

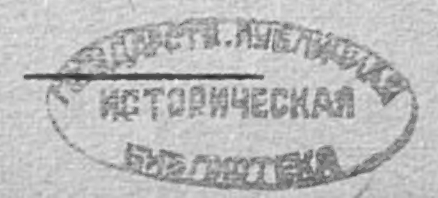
Наиболее сплоченно и планомерно действо-

вали крестьяне фабричные. Но они, конечно, далеко еще не были тем рабочим пролетариатом, который в позднейшие годы вырос, окреп и мог в наше время стать во главе революционного движения, ведя за собой и деревню.

Только в 1812 г., в связи с французскими войнами, крестьянские волнения приняли иную окраску. Заговорили о «вольности» вообще.

Но и тут речь шла только о раскрепощении. Движение было социальное, но еще не политическое. Острие было направлено против ближайшего врага, против помещика, а не против самодержавия. Вера в царя еще не была расшатана; наоборот, от него ждали милости и справедливости и «золотой грамоты». Крестьянство не понимало классовой сущности царской власти, не понимало того, что царь был «первым русским помещиком».

Таким образом, непрерывные и подчас очень боевые выступления крестьян в начале 19-го века, крупное движение в захваченных французами губерниях и прочее—все это еще не могло быть подлинной революцией. Но все это продолжало подтачивать устои дворянской и царской России и расчищать почву для грядущих боев.

Цена 25 коп. № 12-13 (296-297)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1. Правлению Издательства политкаторжан — Москва, ГСП — 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-78.
2. Магазину Издательства политкаторжан „Маяк“— Москва, центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-26.